

ШАЛАМОВ versus СОЛЖЕНИЦЫН

или

ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ

В нашем альманахе стала традиционной рубрика «Разговор на пороге». Новую публикацию мы решили провести в том же стиле и посвятить двум именам – А. Солженицыну и В. Шаламову.

Два собеседника в этом времени беседуют и взыскуют у двух других собеседников-контрагентов о правде небесной и правде земной.

Один собеседник, Владимир Петрович Тыщенко, написал исходный проблемный текст. Другой собеседник, Сергей Алевтинович Смирнов, пишет свои комментарии на этот текст. В итоге получается заочный разговор двух разных собеседников.

Итак, слово первому взыскующему.

Настройка

«Солженицын – не солжет!». Ю. Карякин.

В.П. Тыщенко: Да? А мне ночью моя Анимэ подбросила лингвистическую подсказку: она показала мне фамилию «СО ЛЖЕ ни ЦЫ Н» = СО-ЛЖЕ-ЦЫ. Пришлось поломать голову: на кого она намекала?

«Кому надо, видели; кто не видит, чувствовали, а кто не чувствует, догадывались». А. Ремизов. Крестовые сестры. 1910–1922 гг.

Часть первая. Стройка.

Шаламов contra Солженицын. Чреватая смерть романоцентризма

В.П. Тыщенко: Приведу несколько разнополюх мнений о Солженицыне, изнутри и извне лагерного опыта.

1.1. Женщина – мужчине.

Уже не во сне, а днем – другая женщина, Горчакова-Эльштейн Лия Борисовна¹, предложила свою расшифровку ночного намека: «18.01.97 Уважаемый Александр Исаевич! Мой спор с Вами продолжается почти тридцать лет – срок немалый...

Надо объяснить, кто я. 1932 года рождения, в 37-м осталась сиротой, отца расстреляли, мать получила восемь лет – ЧСИР (Член семьи изменника родины)...

О судьбе моего мужа, Генриха Эльштейна-Горчакова. В 38-м году, когда ему исполнилось девятнадцать, был расстрелян его отец, известный московский адвокат... В 44-м его... арестовали... Восемь лет по ст. 58 п. 10 и 11, потом бессрочная ссылка на Колыме.

Когда Вы так мужественно боролись с нашим режимом, с тем чудовищем, которое называлось «Союз писателей», я жила с сознанием, что эта Ваша великая стезя – за

¹ Послесловие. Л-1-105. Генрих Горчаков. Горчакова-Эльштейн Л.Б. – Солженицыну А.И. от 18.01.1997 // Сетевой ресурс: http://www.gorchakov.org/books_afterword.html

всех нас... крушение пришло позже. Когда до меня дошел Ваш призыв, чтобы мы, «образованщина» (хорошее слово!) (*солженицынщина – слово более точное. – В.Т.*) не отдавали своих детей в институты, а посылали их в дворники и сторожа, чтобы таким образом они не стали пособниками режима, я была с Вами глубоко не согласна: я, учитель, готовила своих учеников в институты, и когда у кого-нибудь из них ломалась жизнь (пережитая армия... среда... причины общие...), я горячо билась за каждую судьбу, чтобы спасти от гибельной судьбы дворника да сторожа... я, мать, всегда помнила, что я могу желать своему ученику только того, о чем я мечтаю для своего ребенка, потому никогда (положено по работе!) не агитировала своих восьмиклассников идти в ПТУ, всегда звала их в девятый класс, даже слабых, потому хотя бы, что знала: пока они со мной, они не сломаются. И если бы меня спросили, куда звать наших детей, я позвала бы их в педагогические институты, в первую очередь (а что, разве в западном образовании нет своих «марксизмов»?... хотя бы тот же структурализм...), а потом – в школы, в учителя. Но самый страшный удар – вот это было крушение! – мне нанесла принесенная «Би-би-си» весть, что Ваш сын поступил в Итон. К великому моему горю, ни я, ни муж, ни мы вместе... не смогли уберечь нашей единственной дочери от того неприятия жизни, от того протеста, который рождала в ней эта жизнь... Она пошла в сторожа, она прожила свою короткую жизнь: «За всех расплачусь...», она погибла в тридцать лет.

И хоть бы раз Вы признали себя неправым перед нами, матерями России, дети которых «за всех расплатились»... хоть бы раз подумали об этом, когда один Ваш сын – в Итоне, другой – в Англии учился на фортепьянах... хоть бы раз вспомнили... Но я не стала бы писать Вам о вечной моей материнской боли и потому вечной моей материнской обиде, если бы только о них речь...

В годы так называемой «перестройки» мы, как и все, жили надеждой. Но очень быстро пришло недоумение... разочарование... и венец всему – беспросветное отчаяние. *В эти новые времена наше общество, которое больше всего, уверена я, нуждалось в правде, захлестнула ложь – новая, антисоветская.* Что заполнило нашу прессу, наши журналы?... И тут я стала думать: кто же был первым? Кто начал эту традицию – одну ложь заменить другой неправдой? Это Вы, Александр Исаевич, с Вас всё пошло. Ведь Ваш «Архипелаг» – прекрасный пропагандистский плакат, рассчитанный на глупого западного обывателя, чтоб его хорошо напугать... своего рода «роман ужасов».

В.П. Тыщенко: Это изнутри лагерного опыта (как и у Шаламова).

С.А. Смирнов: *Этот зачин поучителен, но давно известен. Варлам Шаламов давно вскрыл так называемую тайну Солженицына, назвав его дельцом, делающим историю успеха на трагедии, и не нуждающимся в правде². Ему нужна была не правда, а собственная история успеха, собственное геройство, борьба с режимом (которые становятся со временем как бы геройством и как бы борьбой) – поскольку он в этой борьбе становится как бы великотучеником и ему потом поставят памятники, дадут престижные премии. В принципе так и получилось. Но миф «Солженицын» пора развеять.*

И что важно. Эта бедная учительница, сначала курившая филлиат своему божку, потому и пережила великую трагедию жизни, что молилась на него. Это страшное языческое суеверие, страшная подмена – вместо истинной веры, которая дает силы,

² Шаламов В.Т. Несколько моих жизней: воспоминания, записные книжки, переписка // Варлам Шаламов [сост., вступ. ст., примеч. И. Сиротинской]. – М.: Эксмо, 2009. – 1072 с. См. также наш очерк Автопозис человека: Варлам Шаламов // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2008. – № 4 (прим. С. Смирнова).

ставится поклонение некоему божку, который сам провел эту театрализацию, сам поставил о себе постановку, сам разыграл и сам растиражировал свой успех.

Но я бы хотел понять Вашу позицию, Владимир Петрович. Вы про что? Или за что? Во имя чего это пишете, ссылаетесь на жертвы режима и суеверия?

В.П. Тыщенко продолжает:

1.2. Мужики о мужике.

Сошлюсь на Сергея Хелемендика «О Солженицыне кроме шуток»³.

«Александр Исаевич Солженицын – одно из самых главных орудий в руках Запада в холодной информационно-психологической войне против СССР.

И отдельно, особняком стоит слоган, созданный Солженицыным и выпущенный в эфир при колоссальной информационной поддержке Запада – это «архипелаг ГУЛАГ».

Создав свой слоган, Солженицын сознательно внес личный вклад в победу над СССР, по своему конечному результату сопоставимый с оружием массового поражения. Ибо в существенной мере именно благодаря образу ГУЛАГа души граждан СССР оказались потрясены, пришли в замешательство и стали легкой добычей разрушителей великого государства СССР – как своих доморожденных либеральных совков, так и западных учителей.

Даже в Камбодже не вырос пока свой Солженицын, хотя чуть ли не половину населения забили мотыгами.

Зато он появился в СССР, один из миллионов, прошедших через сталинские лагеря. Этот один обладал феноменальным конъюнктурным чутьем и сделал свой брэнд единственным рассказом в стиле примитивной формы «физиологического очерка» середины XIX века. Рассказ был на табуированную тему и принят обществом как знамение новой эпохи. Рассказ и Солженицына в целом, вместе с лагерной темой, «разрешил» Хрущев – за что впоследствии поплатился.

Около 1993 года мне посчастливилось говорить с Александром Зиновьевым в Мюнхене – философом и писателем несравнимого с Солженицыным масштаба, автором тоже скандальных в свое время «Зияющих высот».

Я не знал, возможно, не знал тогда и сам Зиновьев, что он скоро вернется в Россию, чтобы написать свою «Катастрофу». Но Зиновьев искренен и честен сам с собой во всех своих книгах. И никогда не желал и не делал зла своему дому. Как бы ни относились к нему читатели, его будут вспоминать добрым словом»⁴.

В.П. Тыщенко: Похоже, что это мнение извне лагерного опыта. Где истоки моего опыта? Тени Освенцима и Колымы не обошли и нашу семью. Я белорус, в оккупации от звонка до звонка (с 11 по 14 лет), жена из русских немцев. Мы оба – безотцовщина, потеряли отцов я – 13-летним подростком (по доносу соотечественника отца арестовали за связь с партизанами и больше о нем – ни слуху, ни духу). Жена потеряла отца и вовсе девочкой. Немца-шахтера вместе с другими русскими немцами посадили за колючую проволоку ни за что, и годы спустя после войны прислали справки о реабилитации. Мы безотцовщина еще и потому, что нет могил наших отцов, некуда сходить и помянуть. Приходится считать, что их прах рассеян над общей братской могилой – над нашей Родиной и ее Прародиной.

С.А. Смирнов: *Личный опыт не всегда помогает, а наоборот заводит в тупик личных эмоций и воспоминаний. Безотцовщина – страшная тема. Думаю, что лучше расти в безотцовщине, чем под Отцом-Чудищем. Кстати, я учился еще в 5-м классе, когда наш отец, Алевтин Андреевич, умница, подававший большие надежды, инженер-авиастроитель завода, скоропостижно скончался (лейкемия). Ему было 38 лет. Мать*

³ Хелемендик С. О Солженицыне кроме шуток // Сетевой ресурс: www.chelemendik.ru/ShowDoc.php?d=55

⁴ Там же.

нами (мною и родным братом) не занималась. Мы росли во дворах. Если бы мы не переехали из города (заводской район завода им. Чкалова) в Академгородок и не стали жить с отчимом, не известно, что бы было со мной. Восьмой класс я закончил с двойками и трояками. А учился жизни у дворовых блатарей. Разумеется, стал познавать и дворовую культуру. И первые пьянки, и первые потасовки. Матюгаться трехэтажным научился быстро.

Режим тот и в 60–70-е годы, когда я рос, никуда не делся. Блатари и бывшие урки тиражировали свои привычки и стиль жизни везде. Дворовые песни под гитару, дешевый портвешок, 777, скудные мыслишки, убогие блатные манеры... Я потом долго выбирался из этого своего душевного «гулага», собственного лагеря, снимая (до сих пор!) слезь блатных привычек. И таких как я – миллионы...

В.П. Тыщенко продолжает: Судьба Шаламова – это судьба России: После рывков Петра I и Иосифа Сталина она выжила с трудом, но выжила, сохранила свой brainware потенциал. Так выжил и Шаламов после лагеря, значительно более страшного, чем шарашка, через которую лично прошел Солженицын, более страшного, чем страшилка «Архипелаг ГУЛАГ, империи зла». Это антисоветская ложь, изготовленная из полуправды (выборочно – из чужого лагерного опыта) и лжи.

Кстати, Сергей Алевтинович, есть в Вашем дискурсе о Солженицыне и Шаламове одна ошибка: Вы в разговоре о Шаламове употребляете слоган «Архипелаг ГУЛАГ». Я перелистал Шаламова и убедился: он обычно говорит о «лагерях, Колыме». Слоган Солженицына лжив, он работает на сверхобобщение: Архипелаг Гулаг – это «эмотиконка» СССР как империи зла. Шаламов не ставит знак равенства между Россией и Колымой. Формально и Солженицын борется с Архипелагом Гулаг ради спасения России. Но он «целил в Архипелаг ГУЛАГ, а попал в Россию».

С.А. Смирнов: Я согласен. Но мне была важна иная тема: позиция художника и человека. Мне важна бахтинская тема целостности личности, проблема удержания этой целостности и преодоления раздвоения. Помните? В своем очерке 1919 года «Искусство и ответственность»⁵ он как раз пишет о том, что человек, если живет безответственно, то и пишет бездарно, а если пишет бездарно, то и живет мелко и ущербно, и поступки его мелки и ничтожны. И нечего, говорит Бахтин, пенять на то, что ты не творишь. Ты не можешь создать великую культурную форму, если не ставишь себе предельные, запредельные цели, если ты не радикален в жизни. Замечу от себя, что такую предельность высказывания показывали Марина Цветаева, Иосиф Бродский, Осип Мандельштам, Варлам Шаламов. Заметьте, те, кто демонстрировал целостность жизни и творчества. Казалось бы, я банальные вещи говорю, но именно это ключевое в искусстве. Например, что пишет В. Шаламов: «В поэзии не бывает дипломатов, придворных, не бывает хитрецов. Поэзия им дается интуицией (Пушкин, Пастернак), а не хитростью. Хитрованы поэтов не бывает»⁶.

В.П. Тыщенко: «В 1964 году Солженицын предложил писателю и бывшему ээку Варламу Шаламову совместно написать “Архипелаг”, но тот потребовал гарантий, что “это не провокация КГБ и не заказ ЦРУ”. Солженицын ничего не ответил».

Исаевич ни Шаламову, ни Лие Борисовне не ответил. Ему было некогда. Он бодался с ложью советской, не гнушаясь ничем, даже ложью антисоветской, как говорил С.Ю. Рыбас⁷.

⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 5–6.

⁶ Шаламов В. Несколько моих жизней... – С. 343.

⁷ Политический дневник С.Ю. Рыбаса. Подслащенный Солженицын. Заметки о новой биографии Нобелевского лауреата // Электронный сетевой ресурс. – Режим доступа: www.whoiswho.ru/politdnevnik/item/?id=2215&PHPSESSID=ba9ccdeb28525723247, свободный.

С.А. Смирнов: *Варлам ответил Солженицыну трижды. Сначала в очных беседах, в которых будущий пророк завалил Варлама своим псевдо-поэтическим графоманским хламом, и обсуждал с ним проблему Бога (!)⁸, потом в своих письмах и дневниковых записях, показывая тому, что таких лагерей, как в «Одном дне...», не бывает, с годик хотя бы пожить в таком лагере, где ходят коты. И третий раз – своими Колымскими рассказами, правда которых жгла и выжигала всю ложь пророка и суеверие слабых, которые пророку верили...*

Вот, что Варлам пишет в записных книжках: «Колыма была сталинским лагерем уничтожения. Все ее особенности я испытал сам. Я никогда не мог представить, что может в двадцатом столетии появиться художник, который может собрать воспоминания в личных целях. Почему я не считаю возможным личное мое сотрудничество с Солженицыным? Прежде всего потому, что я надеюсь сказать свое личное слово в русской прозе, а не появиться в тени такого, в общем-то дельца, как Солженицын»⁹. Это место для меня ключевое. Варлам Шаламов хотел сказать правду и найти для этой правды веское и адекватное слово. И тогда появились «Колымские рассказы» и «Колымские тетради». А Солженицыну правда была не нужна. Ему нужна была собственная персона. Вообще-то, банально, примитивно... И старо, как мир...

В.П. Тьпценко: Так что хотела сказать Анима?

Либо «Со-лже-цы» – «образованщина», после коллективного прозрения ставшая «солженицынщиной»? Явление не новое на фоне кающихся и вновь грешащих христиан, на фоне марксистов, которые не поняли Маркса (оценка Ленина). Это стадность, коммунальность (Зиновьев) то есть коллективизм, справедливость, альтруизм, самопожертвование шахидов – против своей противоположности: индивидуализма, свободы, эгоцентризма, отказа от самопожертвования. Образованщина склонна к коллективным прозрениям – когда флюгер общественного мнения развернется.

Либо «Со-лже-ц»? Солженицын лгал и не только бессознательно? Не исключено: если в его картине мира, в которой сверху тон задают урки, начиная не только со Сталина, но и с поддержавшего его Хрущева, а внизу – правят бал шестерки, включая поддержавшего его Твардовского, то лгать тем и другим благое дело.

С.А. Смирнов: *Думаю, Твардовского рядом с Хрущевым ставить нельзя. Генсек боролся за власть. И развенчание культа личности для него было средством. Ведь он плоть от плоти того режима. Сам в нем вырос и благодаря Сталину же и возвысился. Он не мог быть другим. Последующее его правление показало, что тоталитаризм в нем сидит и живет. Никакого развенчания и тем более покаяния он делать не собирался.*

А вот фронтовик и правдолюб, действительно даровитый поэт Твардовский хотел сказать правду о жизни. И тут подвернулся ему Солженицын. Главный редактор «Нового мира» только потом понял, с кем связался. Но он опубликовал «Один день...» ни в коем случае не из конъюнктурных соображений и не из желания выслужиться. Он не был шестеркой¹⁰.

⁸ См.: Шаламов В.Т. Указ. соч. – С. 372.

⁹ Шаламов В.Т. Несколько моих жизней... – С. 373.

¹⁰ Подробности истории взаимоотношений Солженицына и того «Нового мира», отношений Твардовского и Солженицына описаны в посмертно вышедшей книге В. Лакшина (1933–1993 гг.), критика, литературоведа и публициста, знатока Чехова, работавшего в редакции журнала того времени. У него нет той силы, какая есть у Шаламова, но есть моменты прозрения. Вот, что Лакшин написал в 1975 году: «...отношение к людям, встретившимся на его пути, как к средству для достижения своих целей... стало второй его природой... Если Солженицын призывает к смирению и раскаянию, то само собою, каяться должны все, кроме него: он призван разрешать от грехов. Душевного равноправия Солженицын не признает». И таких открытий на страницах дневников Лакшина много. См.: Лакшин В. Солженицын и колесо истории. М.: Вече; «АЗ» (Знатнов), 2008. – 464 с. (прим. С. Смирнова).

В.П. Тыщенко: Читайте внимательнее. Видеть шестерку в Твардовском, «Василий Теркин» которого мне помогал изживать суицидные настроения после 1943 года, я, конечно, не собираюсь. Но теперь дальше. Я думаю, что этот мотив (лжец) субдоминантен. Трудиться ежедневно, до смертного часа над своим многотомьем можно только на мотивации более мощной. Обыграть паханов и шестерок вверху и внизу есть скорее средство (когда все дозволено), чем цель и смысл. Такая великая энергия рождается только великой целью, говорил главный мужик СССР, до того, как мужики-претенденты дождались его смерти и кончили вырывать власть друг у друга. Их цели и энергия от оттепели до застоя медленно и верно уменьшались и угасали.

С.А. Смирнов: *Однако, великая энергия была и у Гитлера, у всех великих разрушителей. В чем она воплотилась? В Освенцим. Сталин построил лагерь, ГУЛАГ, Гитлер – свой страшный лагерь. Разве дело в энергии?*

В.П. Тыщенко: Как автор Солженицын напоминает мне больше Сталина, чем Хрущева, больше Толстого, чем Шолохова. Великую энергию Ленина, Сталина не спрячешь, а она невозможна без великой цели. Такая же была у Ивана Грозного и Петра I. Они вошли в историю России не только великими бедами, причиненными России безмерностью их достоинств. Если энергия великая, то ее хватает и на разрушение (сжечь лес ради превращения его в пашню поля), и на созидание (посев для жатвы народной).

С.А. Смирнов: *Вы всерьез так считаете? От Ваших утверждений веет холодом. Вы тем самым фактически оправдываете ГУЛАГ.*

В.П. Тыщенко: Обитатель Хиросимы видел атомный гриб над Хиросимой и поймал себя на эстетическом восприятии великой энергии взрыва. Это не значит, что он оправдывал гибель Хиросимы.

С.А. Смирнов: *Хорошо, это в сторону. Ведь Сталин не мог по-иному. Он так был устроен. В том и трагедия. Но Вы утверждаете, что он велик своей энергией. Он ею созидал лагерь, но ею и побеждал. По логике – лес рубят, щепки летят. О какой великой цели Вы можете говорить? У Сталина была только одна цель – власть. И ради нее тиран идет на все. Но будучи гениальным организатором и интриганом он смог построить свой режим личной власти. И что? И при чем тут великая цель? О чем Вы? Бедный Ницше давно сказал: есть одна самая великая тяга – власть бытия. Если она тянет (онтологическая тяга) человека, если он одержим ею, то тогда у него есть великая цель.*

В.П. Тыщенко: Сходство великой энергии Солженицына (этого у него отнять невозможно), к сожалению, касается в основном разрушительной функции. Лукошко под названием «Как нам обустроить Россию» (25 000 000 экземпляров) было, всходов что-то не видно. Пресвятая Богородица – пошто рыба не ловится? Аль нет ее тут, али невод худ.

Иван, Петр, Лев, Владимир, Иосиф разрушали чрезмерно много и быстро, но ради созидания, посева (жаль, что такое хорошее слово испорчено помещением его в название одного преимущественно разрушительного издания, которое терпеть не мог Шаламов).

Если энергия Со-лже-ца была преимущественно разрушительной, если средством была полуправда, значит, и энергия была «полувеликой».

Россию такие события, как опричнина, Полтава, Бородино, Сталинград, построили. В обоих смыслах: сверхмобилизацией в армейский строй. Построение здания империи, имеющей слабый потенциал самостройки, самоисцеления, саморазвития.

С.А. Смирнов: Владимир Петрович, в Вашей лексике много речей о державности, народности и прочем, что вообще-то мало интересовало того же Шаламова, а также Пушкина, Мандельштама, которые ставили на другое – достоинство личности в «жестоком веке». Это лжепророки напирают на темах народности, достоинстве нации и прочем. На таких темах легче выстраивать манипуляцию массовым суеверным сознанием. И Солженицын это понимал. Любить и радеть за человечество, нацию, народ вообще легче, нежели за конкретного человека.

Часть вторая. Самостройка (синергия).

Основной вопрос философии – pro et contra

В.П. Тыщенко: Меняю ракурс. Взгляну на конец романоцентризма нашей культуры с точки зрения основного вопроса философии, ОВФ. Этот вопрос либо игнорируют, как в приличном обществе не замечают неприличный звук, либо страстно опровергают самое его существование, либо смущенно и вяло защищают?

С.А. Смирнов: А зачем Вам вообще эта тема? К чему этот перескок? Вы мне лучше скажите – Вы-то считаете Солженицына художником или он делец от литературы? Не пора ли запретить его изучать в школе?

В.П. Тыщенко: Наоборот: я бы сделал предметом именно столкновение Шаламова и Солженицына.

С.А. Смирнов: Заметьте, его пропагандируют в школе педагоги, такие же суеверные и слабые натуры, как и ранее те, кто в его верил. А Шаламов им не по зубам.

В.П. Тыщенко: Когда я учился на философском факультете ЛГУ (1950-1955), нам приходилось разбирать аргументы за и против того или противоположного ответа на вопрос. Но не аргументы за и против самой идеи существования среди вопросов философии – основного. Между тем под вопросом должен быть и сам вопрос, иначе какой же ты философ, обязанный мыслить о том, как он мыслит.

Идеализируем ситуации. Рассмотрим крайние версии: эссенциализм, экзистенциализм, добавим восходящий к концептуализму синергизм.

Эссенциализм: сущность предшествует существованию и определяет меру его. Как в префилософской мифологии, так и в философии Логоса сущность человека – Ян. Инь – женщина, как и собака – друг человека. Такой Ян-эссенциализм в мечте монистичен, хотя на практике это монизм по принципу: против кого дружим? Дружим Мы, «человеки» (лидеры мировой коммунистической революции; арийцы, которых немцы умудрялись видеть в Гитлере, Геббельсе, Геринге; или американцы, интересующиеся, как на форде доехать до Великобритании) против каких низкорослых «недочеловеков»? Здесь требуется воинская дисциплина Единства в ущерб подозрительному многообразию.

Напротив, Инь-Экзистенциализм подчинен вектору плюрализации. Всякий коитус, всякое оплодотворение добавляет к индивидуальностям отца и матери индивидуальности детей. При этом Ян-запад уже переживает депопуляцию, а Инь-Восток и Юг (шесть миллиардов из семи, многодетные семьи еще доминируют) – демографический взрыв, на который Китай отреагировал слишком нервно и быстро, поэтому сейчас с беспокойством видит, как рост числа пенсионеров обгоняет рост числа работников, которым нужно будет прокормить пенсионеров. Индия воспринимает демографический взрыв оптимистично и уже скоро станет самой многонаселенной и полиэтничной страной мира. Это многообразие существований. После второго рождения человек имеет возможность определиться относительно многообразия своих возможных сущностей. Либо он решит, проект какой сущности он выберет для реализации на себе, либо откажется от сущностной определенности вообще

(«Человек без свойств» Роберта Музиля). Последовательно монистическая философия невозможна без основного вопроса. Последовательно плюралистическая философия невозможна без отрицания существования одного единственного основного вопроса в море производных вопросов. Но избежать преждевременного экологического самоубийства человечество не имеет шанса без единства действий, а значит и без монистической философии (Платон, Гегель, Маркс. Среди плюралистов великой энергией обладал, пожалуй, только Кант). Но монистическая формулировка ОВФ сразу вызывает у многих коллег ассоциации с печальной судьбой империй Александра Великого, Цезаря, Чингисхана, Наполеона, Гитлера, Сталина, Мао цзе дуна. А ведь ни одна из империй не была всемирной. Кому же окажется под силу единство решений и действий перед лицом экологического кризиса и цейтнота? Демократия хороша на уровне Афин, Флоренции. Уже на уровне Греции, Италии, Франции демократические выборы вырождаются. Гитлер пришел к власти в Германии через подобные выборы.

Выход из обоих тупиков возможен, если возможен синтез синергетический. Аналогия подобной синергии – она в первичной семье имеет место тогда, когда у папы и мамы появился ребенок, когда в результате интериоризации все трое становятся личностями, то не позволяют собою манипулировать и себе – манипулировать родственниками. Когда отец, мать, дитя – нераздельны и неслиянны.

Правда, обычно у коллег, натерпевшихся от тоталитарной версии ОВФ, постановка вопроса о СИЯ¹¹ как ОВФ вызывает отторжение: убежденных коммунистов пугает призрак дерьмократии, либералов – призрак Архипелага ГУЛАГ.

С.А. Смирнов: *Так, Вы меня и читателя уже запутали. При чем тут все эти разговоры об основном вопросе философии? Вы все собрали. И демографию, и политику, и свою любимую соционику. А уж от монизма и плюрализма и вовсе скулы воротит. Мы собирались говорить о тягбе Шаламова и Солженицына.*

В.П. Тыщенко: Вы собирались. Я пробивал штольню с противоположного конца, надеясь на то, что не разойдемся мимо друг друга. Я собирался рассмотреть конец романоцентризма и основной вопрос философии в свете их взаимного переопределения.

С.А. Смирнов: *А я что вижу? Шаламов искал ясности и точности, писал свой рассказ как документ. Это был его манифест. Давайте искать ясности и точности. Только так можно что-то понять. Вы про ситуацию человека что скажете? И что Вы поняли на примере Шаламова и Солженицына про эту ситуацию? Для меня поведение Шаламова модельно. Его пример показателен. Он дал пример – как вести человеку, попавшему на предел.*

В.П. Тыщенко: Когда вслед за распадом СССР (именуемого с помощью Солженицына «империей зла») начала всерьез трещать империя доллара. Мир попытался было после Второй мировой войны стать устойчивым благодаря ядерной дуполярности, потом благодаря долларовой однополярности, а сейчас мечтает о многополярности. Человечество мечется между двумя тупиками: многообразие без единства и единство без многообразия.

Уже осознав, что мы в цейтноте: от точки невозврата на пути к экологическому самоубийству, от которого нас отделяют уже не многие тысячи лет, как было в период, когда присваивающее хозяйство собирательниц и охотников исчерпало себя, и пришлось в муках рожать производящее хозяйство скотоводов, земледельцев, ремесленников.

¹¹ Аббревиатура «Синергия Инь и Ян».

Ныне исчерпала себя не только индустриальная форма производящего хозяйства, но и постиндустриальная, не только оптимистическая философия модерна, но и пессимистическая – постмодерна, нескончаемая серия локальных войн – драк в падающем лифте. Человечеству придется сверхмобилизовать свой Ян-ум и Инь-сердце, свои естественные и искусственные руки, чтобы от разговоров об экологическом кризисе (1972, Рио-де-Жанейро) перейти к делу. Здесь не обойтись и без философии, если философы еще не утратили необратимо способности к самоисцелению.

С.А. Смирнов: *Если Вы предлагаете обратить наши взоры на современную ситуацию человека и мира на языке трендов, то я бы тогда более радикально ставил вопрос. И ум-ян нужен другой, и сердце-инь нужно другое, и язык нужен другой. И сами эти метафоры-отсылки на духовную традицию не помогают.*

В.П. Тыщенко: Ваша штольня: мертвая традиция мешает взлету. Моя штольня: отрыв от традиции означает беспочвенность. «Кто сказал, что земля умерла?»

С.А. Смирнов: *Речь ведь идет о практиках. Какие культурные и духовные практики позволяют вернуть нам человека, точнее выстроить иной образ его? Что делать, когда этот человек порождает одни симулякры и волянюки? Является ли пример Шалатова адекватным и подъемным для нового поколения ответом на вызовы? Или он излишне радикален? Но тогда нужен Солженицын – нужен новый пророк и делега?*

В.П. Тыщенко: Основной вопрос философии, в сущности, есть вопрос о том, почему нет Ответа на Вызов, который обычно, как отмечал А. Тойнби – вынужденно находили на развалинах великих империй. Как его искать? Как распознать его ростки и где? Рационалистическая философия, доминировавшая со времен Декарта, Спинозы, Лейбница, расколовшаяся в XX веке на континентальную и аналитическую, явно неспособна вытащить себя из ямы собственными руками за собственные волосы. Что остается? Остается культура самообразования, автопоэзиса – этическая (опыт поведения в реальной ситуации) и/или вымышленная (пред-опыт поведения в возможных ситуациях). Культура автопоэзиса подрастающих поколений. На институциональном языке – нужен университет, способный дать отсутствующий сегодня Ответ на Вызов (крах империй, обзывающих друг друга империей зла и империей желтого дьявола, хотя надо было бы говорить о зеленом дьяволе, ибо золотого обеспечения у зеленых бумажек, печатаемых бесконтрольно – давно нет).

Но как возможен Протословарь, если слов еще нет, они только возникают, конкурируют между собой, должны пройти тест на укоренение в современной почве (локальной и глобальной), то есть на индигенизацию? Это невозможно без жанра становления протословаря. Сначала ориентация в новой, незнакомой ситуации осуществляется на внесознательном, интуитивном, метафорическом, довербальном уровне. Так новорожденный, с которым мать разговаривала во время беременности, распознает ее голос с первых же дней жизни вне утробы матери. «Мама» он научится говорить гораздо позже. А уж определять значение и смысл слова «мама», перейти от исходного образа к философской категории, а потом и научному понятию – еще позже. Бывает и жизни на это не хватает. Поэтому каждая статья в Словаре в идеале должна изменить как минимум следующие уровни:

1) довербальных, досознательных средств ориентации в мире внешнем и внутреннем; опираясь на традицию концептуализма, как она представлена в работах Неретиной, я буду называть такие средства концептами;

2) философских категорий – протонаучных понятий, протоэстетических метафор, протоэтических оценок, протоинженерных проектов, прото-медико-педагогических средств автопоэзиса;

3) далее за пределами Философского Протословаря должны будут последовать Протословари специалистов, профессионалов. Такая работа сравнима с эпохой неолитической революции, но беспрецедентна по срочности и фундаментальности. Каждый человек и каждый народ может выбирать: ждать, пока работу сделают другие (опасность всем вместе опоздать) или же искать свой вклад в эту работу, в той сфере, в которой вы чувствуете, что за вас ее никто не сделает.

К примеру, автопоэзис в разных странах имеет разный смысл. Мы живем в эпоху Интернета таких основных задач, задающих варианты автопоэзиса, три:

а) серийное производство железа, hard ware;
б) серийное производство программ, soft ware;
в) автопоэзис программистов с инновационно ориентированными мозгами (brain ware). По оценке американских авторов потенциалом такого типа обладают Россия, Индия, некоторые страны Юго-Восточной Азии и Центральной Европы. Об этом – «Инновационный манифест “Эксперта”»:

«Мы забыли о творчестве. Потребительская экономика низвела многих из нас до уровня офисного и государственного планктона... Сегодня мы говорим об экологии, энерго- и ресурсосбережении, о практическом продлении жизни... Все это не более чем еще одна попытка отправить нас на тот свет с экологическим и потребляющим минимум энергии комфортом. Человечество лишилось какой бы то ни было большой идеи, способной его объединить и вдохновить. Великие тени Федорова, Циолковского, Вернадского, Курчатова еще не растаяли на стенах наших кабинетов и лабораторий»¹².

Это и есть современная стадия ОВФ: Что первично – НТП потребительской экономики? Это цыган, рубящий сук, на котором он сам и сидит. Или большая идея, экстазис, способная объединить человечество, не уничтожая многообразие? Познаваема ли, оценима ли, конструктивна ли программа автопоэзиса каждого и всех – такого, чтобы преждевременная гибель всех и каждого не стала результатом драки в падающем лифте?

С.А. Смирнов: *Вынужден перейти к более резкому тону. Ваши поиски и пафос понятны. Но слова, весь дискурс никуда не годится. Забудьте Вы про основной вопрос философии, про Запад и Восток, про прогресс, про многое еще... Это какой-то хлам, какое-то обилие слов, за которым и содержание теряется.*

В.П. Тыщенко: Мне это напоминает то, как аналитические философы начинали с того, что отбросили как хлам Хайдеггера и почти всю континентальную философию. А потом Рорти начал восстанавливать взорванные мосты и как раз в связи с основным вопросом философии.

С.А. Смирнов: *Я про другое. Основным вопросом философии как раз и является вопрос о бытии. Вы можете на простом и более адекватном языке изъясняться? К чему эти многоэтажные конструкции прото- и квази-? Где Ваши любимые Пушкин и Чехов с их лаконизмом? Скажите кратко и просто – чего хотите? Ведь новый словарь так не делается. Сначала надо договориться о принципах, об идее словаря. Они в чем заключаются?*

Если Вы спросите меня, то идея нового словаря заключается в попытке вернуть человеку его собственный язык. Со смертью языка человек умирает. Язык его – это его собственное самосознание. На каком языке общался человек древний? На языке поэзиса, метанойи, логоса. На языке Бытия и Бога. Нужны соответственно новые практики, которые научат человека делать и говорить, мыслить, то есть собственно понимать бытие. И тогда возможен (как шанс) новый образ человека. Поэтому как

¹² Инновационный манифест // Эксперт. – 2009. – № 21.

таковой основной вопрос философии мне абсолютно не интересен. А ключевыми категориями словаря тогда становятся – горизонт, культурные практики, автопоэзис, граница, переход, карта перехода (картоид)¹³. Потому мне и важен пример Шаламова. Он писал стихи классическим ямбом. Его жизнь – пример выживания в ситуации, когда человек попадает по ту сторону добра и зла, и выживает он сугубо культурными средствами – порождая свои культурные подпорки. В ГУЛАГЕ Шаламов спасался в том числе памятью о поэзии Пастернака, его стихами. Второй раз он спасался, выкрикивая в одиночестве свои Колымские рассказы.

В.П. Тыщенко: Вспоминаю, что мое прозрение началось благодаря Есипову – биографу Шаламова¹⁴. Я давно отметил и не забывал, что Шаламов считал: после Колымы и Освенцима писать романы как Достоевский и Толстой уже нельзя. Свои рассказы он считал относящимися к этой новой литературе. Оказалось, я не сделал решающего шага в понимании того, что «доходяга» сделал не только для новой литературы, но для человечества, у которого позади лагеря смерти (не только для врагов, чужих, но и для «изменников»), а впереди – рукотворный экологический кризис.

Это новое для меня вот в чем: **то, чему Колыма и Освенцим положили конец – это литературоцентризм русской культуры.** То есть, несомненно, основное ее достоинство, за что ее ценят как друзья, так и враги России. Англия центрирована вокруг традиции Смита, Рикардо, Кейнса. Франция вокруг Декарта, Робеспьера, Наполеона и Фурье. Германия вокруг Канта, Гете, Гегеля, Маркса. Россия вокруг Пушкина, Достоевского, Толстого, Чеховых (Антон и Михаила).

Россия перешла границу меры, и достоинство, особенно после Колымы и Чернобыля, перешло в недостаток. Упрощенно говоря: литературоцентризм есть в сущности романоцентризм. Начиная с маленького романа Пушкина «Капитанской дочки», продолжая полифоническими «Братьями Карамазовыми», эпической «Войной и миром», послероманным театром дяди и племянника Чеховых. Оказалось, что под знаменем Пушкинского и Чеховского лаконизма жанром-отрицанием романоцентризма стал из-под обмороженных, непослушных пальцев Варлама жанр рассказа. Точно так этот лаконизм представлен песнями дворового москвичонка, Высоцкого. Рассказ и песня были ими не только обновлены – новы. «Мастер и Маргарита», «Тихий Дон», «Доктор Живаго» – это еще сфера тяготения романоцентризма. «Афинские ночи» Шаламова или «Мой Гамлет» Высоцкого – это уже другой центр притяжения, еще только возникающий. Отрицание отрицания поэзии и прозы «певца империи и свободы» Пушкина.

Этим постлагерным жанрам удалось выжить в условиях Великой депрессии, распада двух недавних супердержав. Сначала в 1991 году распался СССР, который был объявлен «империей зла» благодаря концепту-слогану – «Архипелаг Гулаг». Затем, начиная с 2008 года, похоже, начинается распад и США, империя доллара.

С.А. Смирнов: *Итак, прозрение Ваше заключается в том, что ГУЛАГ и Освенцим зафиксировали конец литературоцентризму и романоцентризму русской культуры? И все? Но это же следствие. Потому Высоцкий и пел свои песни, а Шаламов писал рассказы – потому что писать как Лев Толстой после ГУЛАГа нельзя, это без-*

¹³ См. набросок идеи словаря: Смирнов С.А. Словарь антропологии перехода. Черновик // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2007. – № 3.

¹⁴ Есипов В. Варлам Шаламов и его современники. – Вологда: Книжное наследие, 2007. Этот исследователь один из немногих, которые пытаются удерживать позицию последовательного ниспровергателя мифа Солженицына. Он в частности указал, что известная фотография пророка в робе ээка – это очередная мистификация, подстроенная задним числом. Какие фотки могли быть в лагере? (прим. С. Смирнова).

нравственно, утверждает Шаламов. Невозможно. Потому и Пастернак потерпел крах со своим «Доктором Живаго». А Шаламов тогда пытался вразумить его, что так писать нельзя. Он, прибывший с того света, пытался поэта наставить на иной путь. Но, кстати, свои Кольмские рассказы он не показал Пастернаку. Почему? Их знакомство и переписка прервались в 1956 году. Пастернак еще был жив. Кольмские рассказы Шаламов начал писать в 1954 году. Разумеется, писал в стол.

В.П. Тыщенко: Одно замечание к Вашей позиции. Шаламов говорит не «ГУЛАГ», а «лагеря». Слоган ГУЛАГ как раз и был профинансирован ЦРУ. ГУЛАГ = СССР, империя зла. Лагеря – это колоссальная плата за второй рыбок России из отсталости. Первым был рыбок от Петра I, тоже истощивший Россию, но не до смерти. Сверхзадача нашего Со-лже-ца (борец с ложью советской с помощью лжи анти-советской, для которой он «открыл краны в газовой плите») – исцелить Россию от головной боли отрубанием головы.

«Доходяга», усвоивший слова «не верь, не надейся, не проси» устыдил всю Россию, которую Со-лже-ц застал врасплох. Женщине такое непростительно. Но у лжи короткие ноги. И слоган «Жить не по лжи» имеет отношение не только к нам, но самому Солженищину.

В гораздо более падающей ситуации Со-лже-ц был бригадиром и стукачом. Не только без угрызений совести, но даже с гордостью: их всех обманывать надо: лагерное начальство, КГБ, Хрущева, всю солженищницу – сверху донизу. А доходяга Варлам показал, что значит на самом деле жить не по лжи даже в гораздо более невыносимо нечеловеческой ситуации.

Солженищин со своим словарем расширения русского языка (преимущественно выборка из Даля, а по факту именно он сделал среди интеллигентов модным тюремно-лагерно-уголовный сленг) – традиционен. Он не идет далее Постсловаря. И его «образованщина» – это тоже взгляд из настоящего в прошлое, а не из будущих испытаний в настоящее. Здесь требуется Протословарь: концепты, категории, понятия, составляющие по отношению к ключевым словам Постсловаря – либо антитезис, либо синтез, причем не монологический, а диалогический, синергичный. Если образованщина – тезис, то антитезисом можно выбрать солженищницу (протологизм пока для моего разговора с самим собой) или солженизацию.

С.А. Смирнов: *Слушайте, но Вы словарь хотите делать или собираете жаргонизмы и журнализмы? При чем тут «образованщина» и «солженищница»? Вы же хотите постфилософский словарь делать. Когда Хайдеггер отказывался от старой метафизики и от таких категорий, как объект и субъект, он все же искал понятия, которые, во-первых, имеют культурный этимон. Например, событие, Ereignis. Или Desein. Или кантовское Aufklärung? В сущности, многие основатели направлений в философии всегда проделывали словарную работу, то есть работу по основаниям, составляя онтологическую матрицу, в рамках которой уже можно выстраивать свои рабочие онтологии. Например, С.С. Хоружий, составил словарь исихастской антропологии¹⁵, а также работает словарным способом, выстраивая предмет синергичной антропологии¹⁶.*

В.П. Тыщенко: Переходы от пост- к прото- начинаются не с понятий и категорий, а с дословных жаргонизмов, концептов, поризмов. Такими поризмами были: гелиоцентрическое видение в эпоху безраздельного господства геоцентрического видения, концепт квантов до возникновения квантовой механики, бабочка Лоренца

¹⁵ Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. – М.: Изд-во гуманистической литературы, 1998.

¹⁶ Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.

до синергетики Хакена, диссипативных структур Пригожина. Это почва посева, фундамент постройки. Нулевой цикл. А Вы говорите о первом и последующем этажах.

Если же говорить о вкладе Шаламова, то он, если позволят так выразиться – рассказоцентричен. Он не нуждается в расширении словаря: сверхплотный лаконизм его рассказов, правда жизни и чистота совести возвращают жизнь самым отвечающим родным словам. И заемным – вроде «сентенции». Даже маленький полифонический роман Пушкина «Капитанская дочка» для него слишком пространен. Его нельзя произнести как песню, на одном дыхании. Рассказ можно. Другое дело, что таких реплик-выстрелов у него были намечены сотни и многие десятки он реализовал. В них, помнится, сначала рождались первая и последняя фраза, а потом в силовом поле между ними структурировалось все остальное, что превращало абстрактный замысел в конкретную плоть всхожего зерна, если оно попадает на зрелую почву «заслуженного собеседника». Когда в огне Освенцима и Колымы сгорело почти все, для ростков будущего на пепелище империи и свободы достаточно самых малых форм. Время новых больших форм придет потом. Солженицын писал для издателей, которые расхватывали его опусы как горячие пирожки. Шаламов все свои рассказы писал в стол, не надеясь на прижизненную публикацию и не питая иллюзий по поводу мотивов публикации их в «Посеве» без его согласия. В надежде на то, что хотя его не поняли даже его кумир – Пастернак, его когда-нибудь услышат и сделают выводы.

Два противоположных оптимиста. Солженицын – оптимист в том смысле, что я от медведя ушел и от тебя, лиса, уйду. Но от коллективного прозрения «солженицынщины» (мазохистской образованщины) ему уйти, похоже, не удастся.

Шаламов – оптимист в противоположном смысле: «у лжи ноги коротки». Правда живуча, как некоторые микроорганизмы, замороженные в древние льды.

И последнее. Все выше сказанное было продолжением дискурса: «Всенародность от Пушкина до Высоцкого» Человек.RU. № 4 (2008). – Продолжением стал дискурс вокруг критики Шаламовым российского литературоцентризма, конец которого наступил после Гулага, Освенцима, Хиросимы. Этот конец, есть, как сказал бы Бахтин – «чреватая смерть». Нас ждет третья попытка России вырваться из отсталости. Будем надеяться, что мы не забудем ошибок первых двух (тупик единства в ущерб множественности). И тупиковости противоположной, западной крайности (свободу множества индивидов в ущерб единству действий).

С.А. Смирнов: Нужно рядом отстраивать новые институты человека. Нужны инфраструктуры человека. Нужно новое слово человека. И здесь я согласен с Вами. Шаламов преподал нам великий урок. Даже в ситуации запредельной человек не имеет права врать и скривиться. Никакой кризис, война, лагерь не дают права на личный сволочизм. И не имеешь права на то, чтобы делать на своей и чужой беде историю успеха.

Правда, уроки, как известно всегда адресны. Это Варлам сделал для себя вывод, что так писать после лагеря нельзя, как ранее. Роман Толстого не годится. Но это же его вывод. Вывод для своих действий. И каждый этот вывод делает сам. Солженицын такого вывода не сделал для себя. Он ему был не нужен.

Этого же вывода не сделают и наши писатели-философы, которые соберутся на свой конгресс и начнут жевать жвачку. Имитировать мысль. Имитировать полноту жизни, как бы причастность. Но никто не собирается решать проблемы имитаторов-профессоров в вузах, которых сотни и тысячи. Они читают никому не нужные лекции студентам, как будто на дворе не 2009 год, а какой-нибудь 1970-й. Никто не собирается закрывать не нужные Советы по защите. Там – своя злостная имитация. Наглая, в глаза. Защищаются никому не нужные диссертации. Пишутся

рецензии. Машина работает. И люди получают за степени и звания чаемые денежки. Почему?

Потому что мы разучились мыслить. Мы боимся мыслить.

И потому что за настоящую работу в нашей стране не привыкли платить. Научные разработки слишком умные, они умнее чиновников. Последний не понимает, за что платить. Да и не привычно платить у нас за мысль. Она у нас существует своей жизнью. Потому она под запретом. Она у нас не ассоциируется с рыночными категориями.

«Не продается вдохновение, но можно рукопись продать...»

Почему в развитых странах как раз мысль и становится формой капитала человека? Почему мысль продавать – кощунственно? А мыслить в стол и страдать – это не кощунство? Инновационный манифест в журнале «Эксперт», на который ссылался Владимир Петрович, об этом и кричит: мы разучились мыслить, мы разучились писать хорошие стихи.

Да. И именно потому, что мысль у нас до сих пор под запретом. Если мы начинаем мыслить, то эта мысль взрывает привычные институции – школу, университет, любую организацию. В средних школах мысль и не ночевала. Все срочно перешли на ЕГЭ. Зачем в школьном конвейере мыслить? В вузах мыслить также вредно. Ведь тогда придется уволить половину ничего не умеющих доцентов и профессоров.

Во власти мыслить просто вредно для здоровья и опасно. Иначе придется распустить все органы власти. А где набрать новых? Государство превратилось в погоне за заботой о сырых и убогих во всеобщую богадельню. Заботится, старается, раздает копейки и крохи. И вся страна превратилась в огромный собес. Молодые, видя это, дружными рядами ринулись в органы власти. А что? Тепло, уютно, мыслить не надо. И за отсутствие мысли тебе еще и заплатят гарантированный бонус. Не надо рисковать, не надо зарабатывать. Надо просто имитировать и делать вид, что работаешь. И за это тебе еще платят будут.

И это все называется социальным государством.

Грустно...

И скудость мысли, и пустота душевная...

Настанет ли когда-нибудь настоящий день? Настоящий, новый день? День, который придет и застанет нас как всегда неготовыми...

В.П. Тыщенко: Щедровицкий доводил спор со мной до моей «автодисквалификации». Спор с Вами пока до этого меня, к моему искреннему сожалению, не довел.

С.А. Смирнов: *Потому что Вы закрыты и меняться не собираетесь. Автодисквалификация начинается с готовности меняться и с попытки перестать читать книжки, с попытки на чистом листе бумаги зафиксировать свою позицию. Вы же не говорите с чистого лица. Помните, наш с Вами любимый Выготский выступал на конференции, молодым, еще только все начиналось, держа в руках листок. Все думали, что у него там записи. А оказалось – лист был пуст. А он говорил как по писанному!*

В.П. Тыщенко: Впрочем, есть надежда. Есть почка развития: **Державность и Пушкин**. Вот выдержка из письма последнего к Чаадаеву: «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни на что я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» (А.С. Пушкин – П.Я. Чаадаеву 19 окт. 1836).

Евразия географически изрезана на Западе и имеет противоположный характер там, где Россия, Индия и Китай. Частная собственность на землю сыграла ключевую

роль в истории того, как Запад, до XVII века отстававший от Китая, с XVII века резко обогнал Китай.

Сейчас отстававший Китай выходит в лидеры. А частная собственность на землю не случайно никогда не была определяющим фактором в Китае, Индии и России.

Опуская подробности, скажу: две новосибирские женщины, Ольга Бессонова и Светлана Кирдина основательно продумали эту ситуацию¹⁷. И четко сформулировали то, что уже вертелось на кончике языка. Есть страны, в которых без централизации не получается противостоять внутренним смутам и внешней агрессии. Провалы такого централизма временами помогает преодолеть временная легализация рынка. В странах Запада, напротив, доминирует рынок. Провалы его приходится преодолевать с помощью временной централизации (см. борьбу с нынешней рецессией в США). Кирдина использует метафоры, образы, концепты, навеянные генетикой: экономики, в которых рынок – временное средство борьбы с правилами централизации, она называет X-экономиками (имея в виду XX хромосомы женщин). Страны противоположного типа – Y-экономиками (YX хромосомы запускают онтогенез мужского организма). Это и есть концепт синергии Инь и Ян экономик. А также первые шаги к категориям и понятиям.

В обсуждение этой темы (начало ее задано «певцом империи и свободы» Пушкиным) мы, может быть, дойдем до точки кипения.

Меня тянет к этому, как в бане на раскаленном полке веником из кипящей воды. После этого приходилось нырять в сугроб или прорубь. Во времена оккупации в деревне отца – мы это проделывали.

«Протопи ты мне баньку, хозяйюшка!»

А пока мы помылись каждый в своей теплой городской ванне. Легкий катарсис и никакого экстазиса.

С.А. Смирнов: *А зачем Вам экстазис без автопоззиса?...*

¹⁷ См.: Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: Институциональный анализ. – М.: Наука, 2004.